

В мае 1935 года в нашей области побывал «певец русского леса» М. М. Пришвин. Поводом для поездки на Север стало обычное любопытство. Как раз незадолго до этого писатель вместе с сыном Петром путешествовал по подмосковным рекам.

Пароход проходил мимо густых чащоб. Вот тогда-то один из пассажиров и обронил: «Эх! Вот у нас на Севере леса — так леса. В Корабельной чаще такие сосны стоят, как свечи...».

Страницы истории

Я ПРИСЛУШАЛСЯ внимательнее, — пишет литератор, — затем не выдержал, подсел поближе к этому человеку и стал спрашивать, где находятся такие леса и как туда добраться. Беседа была настолько увлекательной, что по прибытии в Москву явился в управление лесами и попросил командировку. Без долгих проволочек командировку выписали, определили задание, и вот мы с сыном Петром сидим на палубе парохода, который идет в Архангельск»...

Для нас и сейчас остается загадкой, как же они добрались до места. По всей видимости, ехали речным путем от Вологды до Устюга, а затем пересели на другой пароход, идущий в сторону Архангельска. Достоверно одно — 10 мая энтузиасты вышли на верхнетоемскую пристань. Сразу же сделали отметку в документах и решили вопрос с местными властями о следовании дальше. Теперь их путь лежал в верховья Пинеги, а оттуда — по рекам и лесным протокам, по малохоженным тропам — в Коми Республику. Найти, обязательно найти Корабельную рощу!

Однако добраться до нее было не так-то просто. Дело в том, что Пинежский тракт, по которому шла дорога на Пинегу, можно одолеть только верхом на лошадях. Пришвины оказались не из робкого десятка; едем!

Миновал ли Пришвин Котлас?

Переночевав в крестьянской избе, вместе с проводником двинулись в путь. Через пару дней прибыли в Пинегу, однако долго там задерживаться не стали: погрузили вещи на лодку-осиновку и в сопровождении лесника из местных жителей тронулись вниз по реке, вплоть до Усть-Илеши, лесной речки, по которой велся молевой сплав древесины, заготовленной в тех уникальных местах, о коих литератор слышал еще в Москве.

Итак, путь странников лежал по речкам Илеше до Коды, от Коды до Карговой и дальше, в Коми Республику. Как все это происходило, мне рассказывал бывший проводник писателя, ныне покойный Александр Осипович Рубин. О нем Пришвиным сказано много добрых слов. Он так и называл его — «хороший человек».

Вызвал, значит, Александра Осиповича начальник лесопункта. «Вот что, пойдешь проводником у писателя. Куда? А куда скажет». С глазу, же на глаз наказал: не болтлив, а то понапишет всякого — не ровен час заберут... «Вот я все больше и помалкивал, — вспоминал Рубин, — а Михаил Михайло-

вич все давился: экий ты неразговорчивый»...

И прошли они от Коды до охотничьей избышки у речки Торбыш. Куда после отправился писатель, Александр Осипович припомнить не смог: пятьдесят годочков прошло...

По всей вероятности, у избышки его поджидал проводник-коми. Шли они тайгой, в которой многим позже понастроили болгарских поселков

типа Благоев и других прочих. И Корабельная роща, и Берендеева чаща, любовно воспетые Пришвиным, крепко пострадали от деятельности иноземных заготовителей.

Наши мужики сказывали, что от Корабельной рощи, где, по словам писателя, сосны стояли, как розовые свечи, упираясь верхушками в небо, где стяга было не вырубить, осталась совсем тонкая лента деревьев. Остальное все подчистую вывезли болгарские «братья».

...Нигде не написано у Михаила Михайловича, как он возвращался обратно. Скорее всего, путники вышли на «свет божий» где-то у столицы республики. Оттуда их маршрут лежал на пароходе вниз по Вычегде — до Котласа. Все резонно: до Вологды можно было добраться только из Котласа или Великого Устюга. Остается лишь выяснить — может быть, есть среди котлашан или устюжан люди, которые еще помнят о том, что шестьдесят лет назад наш Север почтил вниманием известный писатель, личность, безусловно, выдающаяся, М. М. Пришвин? Хорошо, если бы они откликнулись.

Д. КОКОРИНА.